

Сергей Наумов

Конец Берик-хана

Сергей Наумов

Конец Берик-хана

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160029

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Сергей Наумов

Конец Берик-хана

* * *

Всю ночь дул тягучий промозглый ветер. Косматые тучи расплзались и открывали холодное синее мерцание звезд.

Инфантыин проснулся первым, неслышными шагами вышел из палатки.

Рассвет наступал медленно. Небо смутно розовело. Роса прозрачными бусинками лежала на неподвижной листве. Сквозь клочковатый белесый туман выростали неясные, расплывчатые очертания бесформенных громад, затем в просветах показались остроконечные и плоские вершины гор. Выглянуло солнце. Его лучи жадно выпили росу и засеребрили паутину в папоротнике.

Инфантыин впервые попал в горы. Все ему здесь было интересно и привлекательно. Гражданскую провоевал он в Первой Конной. Привык к донским степям, к украинской равнине и, хотя родом был архангельский, полюбил коня, службу и долго не раздумывал, когда из Первой Конной выбирали людей на границу.

В войну Инфантыина миновали пули. Был он ладно скроенный, веселый парень с простым, крепким, будто из камня

высеченным лицом.

Отряд Лукашова уже неделя, как вышел из Пишпека закрывать границу на перевале. Кончалось лето. Дорога была незнакомая. В одном из селений взяли проводника Худой, сморщенный киргиз по имени Кулай вел отряд вдоль ущелий, бесстрастно посасывая трубочку, в которой, казалось, никогда не кончался табак.

Инфантын пытался разговорить проводника, но Кулай только прижмуривал глаза и молчал.

– "Восток", – усмехался Лукашов в усы, наблюдая за попытками пограничника вызвать Кулая на откровенность, – говорить много не любит.

Командира успокаивала рекомендация стариков айла, которые посоветовали взять в проводники Кулая. И все же чувство настороженности не покидало Лукашова. На ночь он выдвигал далеко вперед секреты, помня о коварстве басмачей.

Но все было тихо. Неделя в горах прошла без выстрела. Лукашову казалось это странным. В комендатуре его предупредили: возможны столкновения. В урочищах прятались остатки разбитой банды Берик-хана.

Туман рассеялся, и отряд тронулся в путь. Старая охотничья тропа, густо заросшая высокой травой, часто петляла, огибая громадные валуны.

У подножия хребта тропа круто повернула вправо. Проводник остановил лошадь и несколько минут разглядывал

склон.

– Здесь, – сказал он.

Лукашов тоскливо посмотрел на изрытый осыпями крутой склон, потом взглянул на Кулая. Лицо проводника было непроницаемо.

– Лошади пройдут? – спросил Лукашов.

– В поводу, – разжал стиснутые губы Кулай.

– А дальше? Тропа есть?

Кулай сдержанно кивнул.

Лукашов медлил.

На голом склоне отряд виден как на ладони. К тому же тяжелые курджумы с патронами будут затруднять подъем.

Лукашов сидел в седле, чуть наклонившись широкоплечей сутулой фигурой вперед, и походил на большую сонную птицу. Горы всегда таили для него опасность. Два года он гонялся за басмачами по Сусамырской долине, изучил их повадки и знал, что главный козырь бандитов – внезапность.

И сейчас склон не нравился ему. Но это был самый короткий путь на перевал. Нужно было закрыть границу. Близкая зима заставит басмачей торопиться. По снегу перевал непроходим. Они, конечно, знают об отряде.

– Инфантын! – негромко позвал командир.

Пограничник тронул коня и подъехал к Лукашову.

– Вот что, Инфантын, – еще тише сказал Лукашов, – поднимешься с Кулаем в горы, посмотришь тропу. И все остальное. заметишь подозрительное – молчи. Доложишь мне. Все.

Не стрелять. Ни в коем случае. Действуй.

Инфантьин слез с лошади и позвал Кулая.

Проводник расстался с конем неохотно. Он вынул из ковровой сумки длинный жгут веревки, похожий на свернутый аркан, переложил в карман табак, с едва заметной усмешкой взглянул на Лукашова и легко и цепко стал взбираться на склон.

Солнце поднялось и повисло над вершиной хребта, когда Инфантьин с Кулаем потеряли тропу. Собственно, ее просто не стало. Они вступили в полумрак ущелья и увидели под собой пропасть. Узкая, в три ладони, тропинка тянулась гладкой лентой. Отвесная голая стена нависла над головой. Только в одном месте виднелся выступ. Дожди и ветры взрыли тропу, избороздили ее глубокими трещинами. Казалось, ступи на нее – и вся эта пористая буровато-желтая порода с грохотом обрушится.

Инфантьин пристально смотрел на проводника. Кулай невозмутимо посасывал трубку. Полуприкрыв глаза, он сидел, поджав ноги под себя, неподвижно, словно изваяние.

– А как же кони? – спросил Инфантьин. Он достал из кобуры наган. – За такие дела враз к стенке, – зло сказал пограничник и вдруг услышал шорох. Кто-то крался, прячась за выступы скал. Инфантьин отскочил в сторону и прижался к отвесной стене ущелья.

Кулай из-под полуприкрытых век внимательно следил за ним.

– Сдавайся!.. – тихим голосом произнес проводник и, распахнув халат, выхватил маузер.

Они выстрелили одновременно. Инфантьин стрелял от бедра, он не успел вскинуть наган. Кулай повалился лицом вниз, и было непонятно – убит он или ранен.

Пуля из маузера пробила Инфантьину ногу повыше колена, он присел от боли и чуть было не выронил наган.

Из-за соседней скалы показались повязанные платками головы басмачей. Инфантьин вскинул руку и трижды выстрелил. Стрелял он хорошо. За скалой кто-то вскрикнул и выругался.

Нужно было достать маузер. Преодолевая боль в ноге, Инфантьин пополз к лежащему ничком проводнику. Тот был мертв. Пограничник обшарил пояс Кулая и достал коробку с табаком, снял с плеча убитого веревку. Чтобы обезопасить себе обратный путь, ударил из маузера по гребешку скалы и пополз обратно.

Дорога к отряду была отрезана. Пограничник слышал частые выстрелы со стороны склона. Там шел бой. Инфантьин посмотрел вниз. От темной бездны пахнуло леденящим холодом. Пограничник поборол страх и, повернувшись лицом к стене, чтобы не видеть пропасть, осторожно двинулся вперед. От басмачей его закрывала каменная стена.

Инфантьин не знал, что его ждет по другую сторону пропасти, но и оставаться в ущелье считал он неразумным. Басмачи атакуют его, когда их станет больше. За скалой пока

прятались человека три-четыре.

Плотно прижимаясь к отвесной стене, Инфантьин медленно продвигался вперед. Так он добрался до поворота. Дальше тропа обрывалась. Острые свежие изломы рассказали, что падающий сверху поток воды разрушил горную породу.

Пограничник прижался лбом к стене и закрыл глаза. Ныла простреленная нога, сапог разбух от крови.

В горах гулко раскатывались выстрелы. Дробно такал отрядный "максим". Сколько можно простоять на тропе вот так, уткнувшись лицом в прохладный гранит? Может быть, пойти обратно и принять последний бой? Басмачи расстреляют его. Он на этой тропе, как слезинка на веке.

Инфантьин вглядывался в противоположный край обрыва, как вдруг заметил сбоку гранитный выступ. Только в третий раз удалось набросить аркан, свернутый кольцом, на шершавый в изломах выступ.

Стиснув зубы и оттолкнувшись здоровой ногой от края обрыва, Инфантьин прыгнул.

От жгучей боли в раненой ноге он едва не потерял сознание. Пограничник висел над бездной, крепко сжимая волосяной аркан.

Инфантьин подтягивался вверх, помогая здоровой ногой. Наконец ухватился за край карниза и перевалился на крохотную площадку. Держась за веревку, поднялся и встал на одну ногу. Струившийся пот разъедал глаза, но Инфантьин боял-

ся сделать лишнее движение. В голове гудело, перед глазами плыли разноцветные круги.

Оставшийся путь пограничник проделал словно во сне. Подбадривая себя хриплым шепотом, он считал шаги.

Он выбрался из ущелья и упал в заросли эфедры, густо разросшейся на склоне. Успокоившись, достал бинт и перевязал рану. Пуля пробила мягкую ткань навывлет.

Пограничник срезал крепкую сучковатую палку и прислушался. Стрельба переместилась теперь левее ущелья и стала еще ожесточенней.

Инфантын решил взобраться на вершину скалы, под которой ему пришлось бороться за жизнь. С простреленной ногой сделать это оказалось непросто. Тогда он пополз. Ему хотелось быть полезным товарищам.

С вершины открывалась вся панорама боя. Скалистый гребень, за которым прятались басмачи, отчетливо просматривался с конечной точки вздыбленной горы.

Инфантын увидел группу басмачей, бегущих под прикрытием каменного козырька от края обрыва, где пограничник пристрелил Кулая. Огромная, похожая на верблюда, скала нависала над склоном. Басмачи бежали быстро, словно боясь чего-то, и Инфантын уже подумал, что Лукашов с бойцами поднялся по склону к этой скале, как вдруг заметил тонкую черную змейку на серой поверхности камней.

"Бикфордов шнур", – догадался пограничник. Замысел басмачей стал ясен. У них был динамит, и они решили силь-

ным взрывом сбросить скалу на позиции отряда. Лавина камней могла решить исход боя. Пограничники вынуждены были бы или оставить позиции и отойти под ураганным огнем, или попасть под камнепад.

"Только не торопиться, – уговаривал себя Инфантьин. – Спокойно, как на стрельбах. Только в десятку".

Инфантьин вскинул маузер и прицелился в черный жгут шнура. Выстрелы гулко раскатились над вершиной.

Пограничник увидел взлетевший вверх кусок черного провода и устало прикрыл глаза.

Басмачи перенесла огонь на скалу, на вершине которой лежал Инфантьин. Они не знали, что он один, и стреляли, создавая огневой заслон для отхода.

Инфантьин, не поднимая головы, изредка постреливал из маузера в сторону гребня. Он понимал, как только басмачи поднимутся выше, пули ему не миновать. На голой вершине укрыться негде. Спуститься вниз не было сил.

"Догадается Лукашов поднять отряд по склону? – думал пограничник. – Сейчас бы в самый раз".

И как бы в подтверждение его мыслей еще ожесточенней затакал отрядный "максим", и Инфантьин услышал приглушенное "ура".

Пограничник подполз к краю и поднял голову. Басмачи уходили ущельем, беспорядочно отстреливаясь.

Инфантьин стрелял на выбор. Он видел, как падали и не поднимались люди в полосатых халатах, и едва сдерживал

крик. Только теперь он понял всю выгодность своего положения. Его маузер преграждал басмачам путь к отступлению, он простреливал единственную тропу, ведущую из ущелья в горы.

Атакующие цепи перехлестнули гребень, и внесенный по склону "максим" ударил басмачам во фланг.

Человек в белой чалме и черном халате метался по ущелью, пытаясь остановить своих людей. "Берик-хан", – догадался Инфантъин и тщательно прицелился.

"Лукашов будет ругать, – мелькнула мысль, – надо взять живым".

Пограничник увидел главаря басмачей близко второй раз, когда кончился бой и Лукашов считал пленных.

Берик-хан курил английскую сигару и с мрачным любопытством поглядывал на пограничников. Застрелиться он не пожелал, надеясь на снисхождение.